

Виктор ДЬЯКОВ, родился в 1951 г., окончил военное училище и Московский Экстерный Гуманитарный Университет по специальности культуроведение, отставной офицер. Литературным творчеством начал заниматься после увольнения из Армии. Член Союза Писателей 21 века. Печатался в журналах «Наш Современник», «Москва», «Подвиг», «Детективы СМ», «Воин России», «На Боевом Посту», «Наша улица», «Проза», «Голос Эпохи», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Слово», «Русский Дом» и др. Издал две книги прозы: сборник рассказов «Взорванная тишина» (2004) и роман «Золото наших предков» (2013). Печатался в коллективных сборниках: «Эта

гиблая жизнь» издательства ИТРК и «Рассказы о чеченской войне» издательства «Ковчег». Живёт в Москве.

КРЕЩЕНСКИЙ ДЕНЬ

(фрагмент из романа «Дорога в никуда»)

19 января 1922 года – крещенский день. С утра на харбинский вокзал прибывали жители многочисленных русских городов, городков и поселков, расположенных в полосе отчуждения КВЖД. Старики, старушки, пожилые люди и молодые, до мелочей сохранявшие свой русский облик. Всевозможных цветов шали, пуховые оренбургские платки, сибирские белorozовые «пряничные» валенки, шубы и полушубки, тулупы, расшитые узорами варежки и рукавицы, кудлатые головы, бороды, обветренные лица, волосы, стриженные в «скобку». Речь «ёкающая» или «екающая», слегка нараспев – из каких только уголков России не загнала сюда судьба своих сынов и дочерей. Все сословия бывшей Российской Империи шли в крестном многотысячном ходе в день Крещения: крестьянская Россия, селившаяся в Маньчжурии по маленьким сунгарийским городкам, в посёлках вдоль КВЖД, казачья – в станицах Трёхречья, чиновничья Россия, представленная многочисленными служащими той же КВЖД, купеческая и даже рабочая, не поддержавшая большевистский переворот. В этот день они все вместе выходили на главную улицу Харбина Китайскую и двигались по ней единым торжественным шествием.

Стоял лёгкий морозец, что-то около десяти градусов по Цельсию. Иван с Полиной в многочисленной толпе шли к пристани. Этот день для

состоятельных русских харбинянок являл легальную возможность на людях продемонстрировать блеск своих зимних туалетов. На Китайской жили в основном богачи, и дамы на крещенский ход, конечно, надели всё самое-самое. Каких только мехов, замысловатых фасонов шуб и шапок, сапог или особого пошива валенок здесь не было! Местные модницы не без досады обнаружили, что у них появилась ещё одна соперница...

Полина, отплавав несколько вечеров подряд по отцу, без особой радости отпраздновала Новый год в компании, собравшейся у Дитерихсов... Потом она «отошла», и за две недели до Крещения стала лихорадочно к празднику готовиться. К пошитым в чуринском ателье шубе и шапке она прикупила новые высокие зимние боты с меховой опушкой. Иван рядом с разодетой в дорогие меха женой, конечно, смотрелся бедновато, но ничуть от этого не страдал. Он всегда придерживался мнения, услышанного ещё в юнкерском училище от одного из преподавателей и созвучного его собственному словно-казацкому: сам, как хочешь, хоть в сапогах драных, а жена чтобы царицей смотрелась, – первое правило семейного офицера. Потому он улыбался, видя, как довольна и счастлива Полина. Не просто далось ей заглушить боль от полученной несколько недель назад вести о казни бесконечно ею любимого отца... но жизнь брала своё.

Когда пришли на пристань, все улицы, прилегающие к реке, уже были запружены народом. Ни автомобили, ни извозчики даже не пытались сейчас ездить по набережной Сунгари. Здесь «чистая» публика с Китайской улицы слилась с толпами в простых клетчатых платках, треухах и овчинных тулупах. Иван тревожно оглядывался по сторонам, опасаясь, как бы слишком роскошный вид Полины не привлёк внимание жуликов-карманников, коих, несомненно, немало в этой разношёрстной толпе. Но, похоже, все взоры устремлены были на реку, к «Иордани», ледяному кресту и вырубленной возле него во льду бассейну-купальне. На льду Сунгари тоже полно народу. Иван с Полиной решили наблюдать крестный ход с высокого берега – здесь они обнаружили знакомых, бывавших часто в гостях у генеральши Дитерихс. Несомненно, это была наиболее удобная точка, откуда отчётливо обозревалась вся величественная картина водосвятия. К одиннадцати часам закончилась торжественная литургия во всех близлежащих церквях, и из них выходили непосредственно участники крестных ходов со множеством икон и хоругвей. Сюда же подошли из дальних церквей и вновь потоки слились. Несметная толпа, море людей. В этот момент заканчивается литургия и здесь, в главной харбинской церкви. Раздается торжественный трезвон её колоколов и оттуда тоже выходит процессия. У врат собора владыка-архиепископ принимает крест и идёт во главе уже единого крестного хода вместе с высшим православным духовенством Харбина.

Ясный день, солнце ослепительным блеском отражалось на хоругвях и золотых крестах, на золотом шитье, облачениях и митрах иерархов, сверкали золотые оклады образов, больших икон Христа Спасителя, Николая

Чудотворца... Никакой суеты, давки, толкотни, ругани, всё происходило по заранее составленному расписанию. Процессия медленно спустилась с набережной на лёд реки. Лёд прозрачен и гладок. Река замёрзла в безветренную погоду, когда на воде не было «барашков», ряби, и потому идти неудобно, очень скользко. Кто-то падает, но тут же люди поднимаются сами или с помощью рядом идущих, особенно тяжело идти женщинам в ботинках и сапогах на высоких каблуках...

– Поля, помнишь, когда Иртыш вот так же замерзает в безветрие, разгонишь-ся и чуть не до другого берега скользить можно, – шептал на ухо жене Иван.

– Да, – согласно кивнула та. – Но всё равно такого праздника там у нас никогда не бывало...

Со стороны создавалось впечатление, что лёд не выдержит многотысячную толпу. Но впечатление обманчиво. В последние дни декабря и сразу после Нового года по ночам бывало до тридцати градусов, и теперь толщина льда местами достигала почти метра. На середине реки к общему крестному ходу присоединяется ещё один ход, пришедший с другого берега из затонской церкви во главе с её настоятелем. С огромного восьмиконечного ледяного креста со вчерашнего дня сняты леса, и он в лучах солнца мозаично-радужно великолепен. Архиепископ с высшим духовенством занимает место на специально сделанном ледовом возвышении. Все соединённые крестные ходы с иконами и хоругвями располагаются полукругом вокруг них. Начинается освящение воды. Пение хора хорошо слышно на берегу. Архиепископ спускается с возвышения и со Святым Крестом подходит к «Иордани». Поют крещенский тропарь «Во Иордани крещующуюся». Служители ломаями разбивают тонкий слой льда, успевший за ночь и утро покрыть купель. Вода бьёт фонтанами, заполняет ледовый бассейн и растекается по специально прорубленным во льду каналам. Архиепископ троекратно погружает в воду крест, потом присутствующие окропляются святой водой. Вверх взмывают стайки белых голубей, после чего с сухими хлопками в небо взвиваются ракеты... Полина стоит и вытирает слёзы, выступившие у неё при виде столь благодатной картины. Тем временем люди, стоявшие ближе к проруби, первыми торопятся набрать святую крещенскую воду в заранее приготовленную посуду...

– Господи, Ваня!... Я бутылку приготовила и дома забыла. Во что же святую воду будем набирать? – сокрушённо всплеснула руками Полина.

Ёмкость для святой воды покупают в расположенных тут же на пристани китайских лавчонках. Китайцы за время совместного проживания с русскими прекрасно изучили их обычаи и заблаговременно приготовили массу всяких бутылочек, кувшинчиков, чайников и прочих сосудов, которыми бойко торгуют. Полина покупает небольшой кувшинчик, и они с Иваном начинают спускаться вниз, чтобы встать в очередь и набрать святой воды.

– Глянь, какая барынька шикарная! Пойдём, поможем ей с берега слезть, а то она на своих каблуках вот-вот навернётся, – обращается один к другому

подросток в драной замасленной шапке, стеганой телогрейке и грязных валенках, видя, как Полина неуверенно спускается с набережной на лёд.

– Да ну её, не видишь – рядом, в полушубке, мужик её... сразу видно офицер, а у них в карманах у всех револьверы, шмальнёт ещё, – отозвался второй в столь же непрезентабельной одежде.

Это была шпана из Нахаловки, одного из самых бедных и люмпенизированных районов города. На такие мероприятия они приходили в надежде стащить чего-нибудь и скрыться в многотысячной толпе. А помогать богатым дамам, неустойчиво стоящим на своих высоких каблуках, спускаться с набережной на лёд, это было самым любимым занятием нахаловской шпаны – здесь можно и кошелёк незаметно вытащить, а если дама молода и красива, то и как бы невзначай полапать её.

А в купели начинается традиционное крещенское купание смельчаков, решившихся окунуться в ледяную воду. Осенив себя крестным знаменем, в воду поочередно входят и мужчины, и женщины, и молодые, и старики. Вокруг толпа любопытных в шубах и тулупах, иностранцы снимают это зрелище на кинокамеры, фотографы бегут со своими треногами... Иван, держа за руку Полину, пробился, наконец, к самой купели, зачерпнул воды в кувшин, подал ей.

– Ваня, посмотри...

Иван посмотрел, куда указывала ему жена. Молодая женщина, не спеша, будто ей совсем не холодно, выходила из купели. Она была в одной тончайшей белой рубашке, которая облепила её тело, создавая впечатление, что она совершенно обнажена, и на ней, кроме нательного креста, ничего нет... На берегу двое мужчин в железнодорожных фуражках с наушниками и в шинелях, один молодой, видимо муж, второй пожилой, скорее всего отец, сразу укутали её в большую шубу, на ноги одели валенки, на голову – шапку. Тут же к закутанной женщине подбежали мальчик и девочка лет пяти-восьми, восторженно крича:

– Мама, мама! Какая она, святая водичка?! В ней хорошо?!

Женщина что-то отвечала, а младший из мужчин отогнал их, ибо женщина, стыдливо пряча лицо в воротник, что-то суетливо делала под шубой. Что она делала, стало ясно, когда просунулась её голая рука из-за отворотов шубы и она подала мужу свою рубашку. Видимо, не желая оставаться в ней, мокрой и холодной, она предпочла остаться в шубе и валенках, одетых прямо на голое тело. Потом она, совершенно безо всякого стеснения, так и пошла, поддерживаемая под руку мужем, рядом с семенящими детьми в сторону поджидавших их на затонском берегу саней.

Полина с завистью смотрела на эту сцену, прижимая к груди кувшинчик со святой водой. Иван по её выражению сразу догадался, что она тоже хотела бы окунуться в святую воду... и так же хотела, чтобы вокруг неё бегали её дети, и чтобы он прилюдно одевал на неё шубу и валенки, и чтобы рядом так же был отец. И чтобы она в шубе на голое тело, никого не стесняясь

и не боясь, шла бы в окружении своих близких. Увы, ничему этому не суждено было осуществиться, отца уже нет на свете, детей вообще не было, по той же причине не могла она и рисковать купаться в ледяной воде. Единственно, кто был рядом, это муж. Он, понимая состояние Полины, подхватил её под руку и повёл прочь от купели, от вселенского празднества:

– Ну, всё, Полюшка, хватит, вон сколько тебе в ботики снегу насыпало, ноги замёрзнут, пойдём скорее домой...

Уже дома, вечером, за самоваром Иван вновь начал возмущаться порядками, существовавшими в России, но уже в связи с увиденным праздником.

– ...Видела, какое народное единение, какая любовь к нашим святыням, обычаям. Ведь народ-то самый что ни на есть разный, а вроде никакого зла друг к дружке. И кто в шубе собольей, и кто в дерюге драной – все молятся, все Христа славят, все едины. Но почему для этого надо было сначала из России убежать? Почему там, дома так не жили? Как там у нас праздники справляли? Казаки отдельно, мужики отдельно, господа отдельно. Мужики исподлобья смотрят на казаков, те так же на мужиков. И ведь везде так было, – и в Омске, кто из рабочих слобод, сами по себе, мещане сами по себе, казаки опять же сами, и все друг на дружку глядят, как враги лютые. А вот как с родины убегли, так только тут и поняли, что вместе можно жить, без этой вражды лютой. Вон слышала, как владыка анафему антихристам-большевикам пел? И это поздно уж петь – надо было, когда антихристы ещё власть не захватили, анафему им петь... Все, все кругом виноваты – и власть наша прежняя слепая, и церковь. А сейчас что, сейчас, как в той опере, – сатана бал правит...